

УДК 821.112.2

**«МНОГОПЛАСТОВОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ «НИБЕЛУНГОВЕДЕНИИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА)**

Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет)

Исследуется проблема «многопластовости» «Песни о нибелунгах» сквозь призму современных исследований. Дается определение понятия «нибелунговедение» как отдельной области научных знаний, объектом которой является «Песнь о нибелунгах». Среди немецких медиевистов XXI века, занимающихся «нибелунговедением», имеют значение труды Вернера Хоффмана, Йозефа Цёвэрффи и Яна-Дирка Мюллера, использующих сравнительно-исторический подход в изучении как отдельных образов, так и всей эпической поэмы в целом. Подобные попытки осуществили в своих диссертационных исследованиях и современные российские германисты, такие как А.В. Солдатова, М.М. Русяева, М.К. Меньщикова, И.С. Григорьева, Т.В. Топорова и Ю.Н. Бучилина. Результаты данных работ рассматриваются в свете многопластовости «Песни», не раз затрагиваемой различными учеными, но до сих пор являющейся актуальной проблемой «Нибелунгов».

Введение. В 1757 году швейцарским филологом И.Я. Бодмером издается частично «Песнь о нибелунгах» (XIII в.). С тех пор у эпоса начинается новая веха в истории его существования, обусловленная возрождением интереса к эпическому прошлому. Настоящее изучение «Нибелунгов» началось после того, как уже были известны основные редакции «Песни», и родоначальником «нибелунговедения» можно по праву считать К. Лахмана. Существенную лепту в изучение германского эпоса внесли труды В. Брауне, А. Хойслера, Д. Кралика, Ф. Панцера и других, являющиеся, можно сказать, основой «нибелунговедения». Кроме упомянутых немецких медиевистов, «Песнь о нибелунгах» с различных сторон рассматривалась и российскими германистами, такими как В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич, М.И. Стеблин-Каменский, В.Г. Адмони и другими. Однако данные исследования, посвященные вопросу о происхождении, предыстории, а также личности автора «Нибелунгов», не позволяют понять поэтику эпоса целостно, а также глубинный уровень поэмы.

Актуальной является новая задача для «нибелунговедения» – создать по возможности полное толкование «Песни о нибелунгах», учитывая методологические знания и результаты изучения настоящего времени. Подобные попытки осуществили в своих диссертационных исследованиях современные российские германисты, такие как А.В. Солдатова, М.М. Русяева, М.К. Меньщикова, И.С. Григорьева, Т.В. Топорова и Ю.Н. Бучилина. Мы рассматриваем результаты данных работ сквозь призму многопластовости «Песни», не раз затрагиваемой различными учеными, но все же до сих пор остающейся актуальной проблемой также для изучения композиции и жанра «Нибелунгов», образующих предмет нашего исследования.

Основная часть. Под «нибелунговедением»¹ мы понимаем отдельную область научных знаний, объектом которой является «Песнь о нибелунгах». На современном этапе изучение «Песни» связано с работами немецких ученых В. Хоффмана, Й. Цёвэрффи и Я.-Д. Мюллера, последний из которых утверждал о необходимости пересмотра методов исследования «Песни о нибелунгах» и о важности сравнительно-исторического подхода в изучении как отдельных образов, так и всей эпической поэмы в целом². Й. Цёвэрффи в свою очередь выделяет следующие направления в «нибелунговедении»: исторический подход (предыстория «Нибелунгов») и внутритекстовый (поэтика и идейная составляющая произведения) [2, S. 233 – 238]. Второе направление вызвало к жизни множество интерпретаций, поскольку для «Песни о нибелунгах» характерна «многопластовость»³, причем самым неоднозначным из пластов является миф. К связи мифа и сюжета о нибелунгах не раз обращались писатели и ученые. Схематичность мифа позволяет полностью или частично использовать его в ткани литературного произведения и дает толчок для домысливания и дальнейшей интерпретации, одной из которых посвятила свое исследование М.К. Меньщикова «Поэтика трагедии Фридриха Гёббеля «Нибелунги»: специфика конфликта и система образов» (2006). Она обра-

¹ Термин «нибелунговедение» образован от слияния основ слов «Нибелунги» (сокращенное наименование «Песни о нибелунгах») и «ведение» (как синоним к понятию «наука» [1]).

² Среди актуальных вопросов следует упомянуть психологизм героев, политические отношения, реальную историческую обстановку, этические представления (понятия верности, любви, мести), мифологические черты, структуру, стиль, языковые особенности и, конечно, историю и предысторию возникновения, сопоставление с другими произведениями того же периода и т.п.

³ Среди пластов «Нибелунгов» традиционно выделяют мифическую древность, эпоху Великих переселений (IV – VI вв.) и современность автора эпоса (XII – XIII вв.).

щается к мифологическим сюжетам, образующим основу «Нибелунгов» Ф. Геббеля и имеющим, вероятно, общие корни со схожими сюжетами, используемыми в «Песни о нибелунгах». Известно, что при создании своей трагедии Ф. Геббель использовал в основном немецкий вариант сказания о нибелунгах, однако автор не всегда придерживался версии германского эпоса «Песни о нибелунгах» в трактовке образов и часто его интерпретация оказывается ближе к песням «Старшей Эдды». В частности, во второй главе «Специфика конфликта и система образов в трагедии Фридриха Геббеля «Нибелунги» М.К. Меньщикова ссылается на интерпретируемый Ф. Геббелем образ Зигфрида как невинной жертвы проклятия клада нибелунгов и, что особенно важно, как виновника трагедии, нарушившего предназначенную ему судьбу [3, с. 16]. Конечно, и в «Песни о нибелунгах» Зигфрида постигает трагическая кончина, но мотивы «проклятого золота» и «нарушения запрета» приобретают совершенно иной смысл. В «Нибелунгах» Ф. Геббеля образ Зигфрида близок образу германо-скандинавского бога Бальдра. Их сравнение проводится по следующим сюжетам: происхождение, проклятое сокровище, любовная линия, гибель [3, с. 16]. Божественное происхождение Зигфрида подтверждается прежде всего его предназначением, согласно которому он должен дать миру новый род, который заменил бы обыкновенных людей⁴, причем супругой его должна была стать воинственная Брюнхильда. Кроме того, Зигфрид, как и Бальдр, невольно попадают под влияние таинственной силы проклятого золота, что приводит их к гибели не в бою, а следовательно, «они не достойны воинского чертога Вальхаллы» [3, с. 16]. В научном докладе «Проблемы лингвистической реконструкции германской космогонии» (2000) Т.В. Топорова также пытается связать сказание о нибелунгах с мифом, а именно с древнегерманским мифом творения. Согласно мнению исследовательницы, эта связь проявляется на уровне отдельных персонажей, мотивов или сюжетов, а также всего корпуса героических песен «Старшей Эдды» (их содержания и композиции) и дает основания для интерпретации сюжета сказания в рамках древнегерманского мифа творения как противостояния нижнего и верхнего миров – «мрачных» нибелунгов (др.-исл. Niflungar < и.-е. *enebh-, *nebh-, *embh- 'сырой, вода' (< 'пар, туман, облако') [4, S. 315]), владельцев сокровищ, и «высоких» бургундов (герм.-лат. Burgundiones < и.-с. *bheregh- 'высокий, выдающийся', *bherghos 'гора', *bhrhghus 'высокий' [4, S. 140 – 141]). Анализ дериватов герм. *nebl- 'тьма, туман' и *berg-/ *borg- 'гора / крепость' и контекстов, в которых они фигурируют, приводят к выводу о том, что лексемы, восходящие к первому корню, ассоциируются с нижним миром, царством смерти (ср. обозначения иного мира др.-исл. Nifl-hel 'мрака хель', Nifl-heim 'мрака мир', nifl-vegr 'дорога во мрак [в иной мир]', nifl-farinn 'ушедший во мрак (= умерший)') [5, с. 32]. На основании некоторых примеров, приводимых в докладе Т.В. Топоровой, можно с достаточной степенью надежности дополнить этот семантический комплекс идей плодородия (жизненной силы) – богатства. Дело в том, что в «Младшей Эдде» повествуется о том, что у конунга Хальвдана Старого, совершившего в середине зимы великое жертвоприношение, просившего для себя жизнь и правление в течение трехсот лет и получившего согласие богов, было двадцать семь сыновей, от одного из которых – Невира – и начался род Нифлунгов [6, с. 88]. Факты, зафиксированные в «Младшей Эдде», разительно напоминают сведения о главном ритуале древних германцев – весеннем жертвоприношении, отражающем глубокую укорененность аграрного культа и мифа об «умирающем и воскресающем боге растительности» в древнегерманской традиции.

Миф творения реализуется в этническом коде и становится темой древнегерманского героического эпоса. Клад нибелунгов, локализуемый в нижнем мире, является причиной конфликта. Он объединяет цикл о Зигфриде и о гибели бургундов в единое произведение уже на раннем этапе эпического развития сюжета о нибелунгах [5, с. 33], что, однако, вступает в противоречие с теорией выдающегося германиста А. Хойслера, считающего, что «Песнь о нибелунгах» сводится к утверждению о существовании двух первоначально самостоятельных сюжетов – сказания о Брюнхильде (сватовстве Гунтера и смерти Зигфрида) и сказания о бургундах (гибели Гунтера и его братьев при дворе гуннского короля Аттилы), которые впоследствии сблизились и образовали единое произведение благодаря приему стилистического распространения (Anschwellung) [7, с. 15]. В то же время Зигфрид является связующим звеном между двумя сказаниями и двумя мирами («верхним» и «нижним») по Т.В. Топоровой, так как «он сочетает в себе черты древнего мифологического героя и человека нового мира» [3, с. 18]. Все же в наименовании персонажей автор «Песни» Зигфрида чаще называет героем, а Гунтера – королем.

Черты героического, характерные для Великого переселения народов, отчетливо проявляются в историческом пласте «Песни о нибелунгах». Так, бургундские короли и гуннский владыка Этцель (Аттила) – немногие исторические персонажи эпоса, названные по имени, большинство фоновых персонажей представляет собой массу людей, «соединенных в текстовых реализациях с числовыми индикациями» [8, с. 11]. Массовость, масштабность, множественность – типичные черты героического эпоса [9], которые охотно использует автор, словно противопоставляя обезличенную массу людей индивидам, что опять «говорит в

⁴ Этот эпизод был убран автором из основного текста трагедии и помещен в примечаниях.

пользу эпической природы персонажа, воспевавшегося и превозносившегося как самого лучшего и достойного среди всех людей» [10, с. 89].

Героичность эпоса подтверждается и характерным для Средневековья наличием у героев эпоса положительных качеств, типичных для средневекового общества: благородство (знатность), красота, богатство (могущество), положительность в чем-либо, щедрость, смелость, физическая сила [11, с. 156]. Все эти признаки являются типичными для героев средневекового эпоса [8, с. 13].

В Средневековье было характерно использование особенно развитой невербальной формы общения. По наблюдению Ж. Ле Гоффа, «Феодализм – это мир жестов ...» [12]. Жесты были прочным звеном, соединяющим человеческие воли и человеческие тела, а человек рассматривался как единство души и тела, связанных динамическим отношением. В работе «Концептосфера “человек/личность” в художественном тексте средневерхненемецкого периода (на материале “Песни о Нибелунгах”» (2007) М.М. Русяева указывает на необходимость уделить жестам особое внимание, тем более при рассмотрении концептосферы личности в средневековом эпическом тексте, «поскольку именно они выполняют функцию изображения внутреннего мира героя, его состояния [8, с. 15]. Именно в сценах такого рода⁵ можно проследить повседневную жизнь той эпохи. Современному читателю не всегда понятно то, что хотел сказать средневековый автор. Несомненно, отношение к миру современного человека в корне отличается от мироощущения и мировоззрения людей эпохи Средних веков. Многие из идей и поступков средневековых героев «Песни» нам не только чужды, но и плохо понятны. Здесь велика вероятность приписать людям той эпохи несвойственные им мотивы и неверно истолковать подлинные стимулы, двигавшие ими в жизни [13, с. 44]. Следует отметить, что данного рода зарисовки реального быта представляются наименее изученными явлениями в эпическом тексте, однако именно они, по мнению М.М. Русяевой, «раскрывают поведение героев в реальных бытовых ситуациях того времени» [8, с. 16]. Героизм эпохи переселений находит свое отражение, по мнению Ю.Н. Бучилиной, «в безграничной силе духа, в победе человека над самим собой, в свершении им чего-то трагического для него самого, часто такого, что ведет к гибели» [10, с. 98]. Герой или героиня одерживают победу над собой во имя того, что представлялось высшим долгом [10, с. 98].

Если история возникновения сюжета о нибелунгах отсылает нас к мифологическому пласту «Песни о нибелунгах», а поведение основных персонажей является отражением второго пласта данного эпоса, т.е. характеризует героическую эпоху Великого переселения народов, то их речь, зафиксированная автором «Песни» в XIII веке, характеризует совершенно иную эпоху зрелого Средневековья с ее куртуазной пышностью рыцарских времен. К проблеме лексического состава того времени отправляет нас диссертация А.В. Солдатовой «Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке: на материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского» (2004), посвященная исследованию актов побуждения и воздействия в трех стихотворных памятниках средневерхненемецкого языка, записанных примерно в одно время. Выбранные памятники, отобразившие ценности средневекового общества, его картину мира, по мнению А.В. Солдатовой, «репрезентативны для средневековой рыцарской литературы и культуры в целом в эпоху ее расцвета» [14, с. 4]. Посредством анализа речевых актов ученый изучает коммуникативные «портреты» людей в различных условиях вербального общения, т.е. модели речевой коммуникации определенных исторических эпох и этнокультур.

Ученые не раз обращали внимание на то, что поэтические памятники Средневековья, в особенности же эпос, изобилуют диалогами, что, по-видимому, было связано со стремлением рассказчиков к эффекту правдоподобия, достоверности, а также с особенностями ситуации исполнения (устные рецитации). Вместе с тем эти диалоговые фрагменты – важные источники при изучении речевой коммуникации отдаленных периодов времени – еще очень мало изучены.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой письменные тексты средневековья достаточно близко и адекватно передавали устные формы коммуникации, так как на данной стадии развития между устным и письменным языком существовали тесные отношения [15, с. 87 – 105]. Кроме того, что касается эпоса, то он был ориентирован преимущественно на слуховое восприятие, а значит, должен был достаточно адекватно имитировать первичные, т.е. устные формы языка. Применительно к текстам Средневековья это подтверждается и по литературно-историческому критерию, согласно которому, по мнению А.В. Солдатовой, чем древнее текст, тем меньше в нем модификаций, в том числе в плане изображения речи [14, с. 9].

Коммуникативная ситуация совета является одной из самых распространенных в памятниках Средневековья. В феодальном обществе с его строгой иерархией служб в отношениях людей, особенно между сеньором и вассалом, господствовал принцип взаимности [16]. Он предполагал взаимное служение, помощь и дружбу, основанные на взаимном уважении и почтительности. Совет, помощь, служение

⁵ Среди этих сцен автор называет те, в которых присутствуют такие жесты, как поцелуй (16), подавание руки (14), поклон (8), вставание (8), обнимание (2).

пронизывают все общество, что находит отражение в формуле *helfe und rat* [14, с. 13]. Нередко совет был вызван просьбой. В обилии актов просьбы, среди которых выделяется множество этикетных, например, таких, как просьба о позволении сделать что-либо, видится действие принципа взаимного уважения и признания в придворном обществе: всякая просьба помимо собственно просьбы передает значение почтения к собеседнику, так как манифестирует его силу, возможность удовлетворить просьбу говорящего. На фоне более мягких совета и просьбы требование выглядит более решительным речевым актом. Равный может требовать каких-либо действий от адресата в ситуации поединка (победитель – побежденный) или в ситуации служения даме (дама – рыцарь). В первом случае говорящим всегда является мужчина; согласно ритуалу поединка побежденный рыцарь должен был торжественно обещать победителю сдаться и служить ему, что и давало право последнему приказывать. Во втором случае говорящим является женщина; как известно, служение знатной даме (*minnedienst*) считалось одной из основных добродетелей и занимало важное место в жизни рыцарства. Вызов на бой как разновидность требования всегда имеет веские основания: чаще всего это оскорбление чести инициатора вызова либо его господина/госпожи. Все ситуации вызова можно разделить на две группы: 1) на поединок вызывают непосредственно перед его началом; 2) на поединок вызывают задолго до него с соблюдением всех элементов рыцарского ритуала (например, передача перчатки при свидетелях) [14, с. 17]. Ситуаций второго типа в целом немного, значительно чаще, особенно в «Песни о нибелунгах», присутствуют ситуации первого, более архаичного, типа. Таким образом, проанализировав речевые акты совета, просьбы, требования и вызова на поединок, можно утверждать о наличии разнообразной палитры речевых актов придворной этики, используемых героями эпической поэмы, что указывает на присутствие в «Нибелунгах» черт, отражающих процесс развития и становления сеньериально-вассальных отношений, куртуазной этики и христианской культуры.

Основной проблемой «многопластовости» «Песни о нибелунгах» является соотношение исторического и сказочно-мифического материала в данном эпическом памятнике, так как обилие культурологического контекста и подробных описаний феодальных обычаев и распрей дают возможность рассматривать это произведение с точки зрения средневековой действительности. Однако очевидно и присутствие мифологических образов, причем имеющих довольно глубокие корни в дохристианской культуре. При всем старании автора сделать повествование максимально приближенным к реалиям своего времени, нидерландский королевич Зигфрид все же убивает дракона, захватывает несметный клад и получает плащ-невидимку, исландская королева вступает в поединок с будущим женихом, а Хаген узнает о гибели бургундов от Рейнских русалок. Все эти мотивы являются не просто красочными подробностями, стимулирующими интерес слушателей, но и важными звеньями сюжета, так как автор не смог или не захотел их заменить. Причем, как нам кажется, именно сказочно-мифологический пласт «Нибелунгов» был первичен по сравнению с историческим и положен в основу эпоса, о чем свидетельствуют не только многочисленные параллели в литературных памятниках, но и лингвистическая реконструкция германской космогонии. Что касается эпохи Великого переселения народов, которая, по мнению многих ученых, легла в основу сюжета о гибели бургундов, то следует согласиться с тем, что она весьма далека от эпохи Зрелого Средневековья, чтобы вызвать немедленные ассоциации. Современный автору пласт культуры в «Песни» является самым объемным и представляет собой массу примеров из повседневной жизни средневекового общества, что позволяет нам сформировать определенную «картину средневекового мира».

Заключение. В «Песни о нибелунгах» неразрывно сплелись элементы древнейших германских сказаний, мифа и сказки с чертами рыцарского романа. Такая многослойность построения «Песни» дает большие возможности для исследования данного произведения и связанного с ним круга проблем, о чем свидетельствует огромное количество монографий, статей и книг, посвященных данному памятнику в немецком литературоведении. Таинственные «Нибелунги» вызывают живой интерес и у российских германистов, как у литературоведов (Ю.Н. Бучилина, М.К. Меньщикова), так и ученых-лингвистов (Т.В. Топорова, М.М. Русяева, А.В. Солдатова). Несколько столетий, отделяющих нас от времени создания поэмы, лишь привлекают внимание и вызывают неподдельный интерес к далекому героическому прошлому Средних веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наука // Общий толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolslovar.ru/n3438.html>. – Дата доступа: 11.10.2012.
2. Szövérfy, Josef. Das Nibelungenlied. Strukturelle Beobachtungen und Zeitgeschichte // Wirkendes Wort. Deutsches Sprachschaffen in Lehre und Leben. 15 Jahrgang. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1965. – S. 233 – 238.
3. Меньщикова, М.К. Поэтика трагедии Фридриха Геббеля «Нибелунги»: специфика конфликта и система образов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / М.К. Меньщикова; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 25 с.

4. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (IEW) / J. Pokorny. – Bern, München: Francke Verlag, 1959.
5. Топорова, Т.В. Проблемы лингвистической реконструкции германской космогонии: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.04 / Т.В. Топорова. – М., 2000. – 53 с.
6. Стурлусон, С. Младшая Эдда / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1970. – 254 с.
7. Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах / А. Хойслер. – М.: Изд-во иностран. лит., 1960. – 446 с.
8. Русяева, М.М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода: на материале «Песни о Нибелунгах»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Русяева; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2007. – 18 с.
9. Избекова, Е. Числительные в олонхо / Е. Избекова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/68.htm>. – Дата доступа 02.11.2011.
10. Бучилина, Ю.Н. Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Ю.Н. Бучилина; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – 209 с.
11. Русяева, М.М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода: на материале «Песни о Нибелунгах»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.М. Русяева; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2007. – 239 с.
12. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр., общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gumer.info/.../Goff/index.php. – Дата доступа: 21.11.10.
13. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
14. Солдатова, А.В. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке: на материале «Песни о Нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Солдатова; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2004. – 19 с.
15. Бабенко, Н.С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии XVI века / Н.С. Бабенко // Устные формы литературного языка: история и современность: сб. ст. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 87 – 105.
16. Гуревич, А.Я. Начало феодализма в Европе / А.Я. Гуревич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gur/intro2.php. – Дата доступа 02.11.2011.

Поступила: 08.01.2012

**«MANY LAYERS» IN THE MODERN «STUDY OF THE NIBELUNGS»
(ON THE MATERIAL OF RESEARCH OF THE XXIST CENTURY)**

E. LUSHNEVSKAYA

The article is devoted to the problem of “many layers” in “The Song of Nibelungs” through a prism of modern research. The founder of “the study of the nibelungs” is K. Lachman, who for the first time has begun studying “The Song”. Among German researchers of the literature of the Middle Ages in the XXIst century it is useful to mention Werner Hoffman, Josef Szövérfy and Jan-Dirk Müller, who try to capture the whole poem as well as separate images. Fundamental works of the Russian scientists also occupy a considerable place in the comparative study of “The Song of Nibelungs”. Among the latest works, which are important for our research devoted to the composition and the genre of “The Song of Nibelungs”, the dissertations not only of literary critics (M.K. Menshchikova, Yu.N. Buchilina), but also scientists-philologists (A.V. Soldatova, M.M. Rusyaeva, T.V. Toporova), considering “The Nibelungs” from various foreshortenings are significant. We consider results of these works in the light of “many layers” of “The Song of the Nibelungs”, more than once mentioned by various scientists, but still being an actual problem of “The Nibelungs”.